Вологодскія святки.

(изъ воспоминаній).

Жизнь въ Вологдѣ, 30—40 лѣтъ тому назадъ, была чрезвычайно монотонна и однообразна, бѣдна впечатлѣніями извнѣ и невольно накладывала свою печать на мѣстнаго обывателя. Долженъ оговориться, что сказанное мною относится главнымъ образомъ къ среднему классу общества, который составляла чиновная братія съ незначительной примѣсью другихъ элементовъ, хотя и среди т. н. губернской аристократіи того времени особеннаго оживленія не замѣчалось.

Къ числу общественныхъ увеселеній той эпохи въ Вологдѣ надо отнести довольно жалкій театръ (сохранившійся и по нынѣ) и два клуба: чиновничій и дворянскій.

Люди средняго класса посѣщали театръ лишь изрѣдка и случайно.

Дворянскій клубъ былъ имъ недоступенъ по многимъ условіямъ, а чиновничій хотя и носилъ характеръ всесословнаго, но тогда посѣщался только высшей бюрократіей. Что же, спрашивается, оставалось на долю обывателей средней руки, коимъ однако страстно хотѣлось повеселиться, но такъ, чтобы это было и не стѣснительно, и не ложилось бы бременемъ на ихъ скромный бюджетъ? Слѣдуетъ сказать, что въ то время жизнь въ Вологдѣ была баснословно дешева, но сообразно этому и оплата труда была до смѣшного мизерна: я зналъ массу чиновниковъ, конечно, молодежи, которые получали 7—8 руб. жалованья въ мѣсяцъ и ухитрялись на эти гроши не только жить безъ долговъ, но даже позволяли себѣ бывать кое-гдѣ въ обществѣ. Жалованье въ 25—30 руб. считалось въ то время солиднымъ, и получающіе его слыли за людей вполнѣ обезпеченныхъ. Общественная жизнь была развита слабо, газетъ и журналовъ выписывалось немного и чтеніе ихъ для большинства было мало доступно. Типичные представители чиновничества, проводя большую часть дня по разнымъ канцеляріямъ, палатамъ и управленіямъ, вели безпросвѣтный образъ жизни, среди коего водка и карты играли далеко не послѣднюю роль въ качествѣ захолуст-

ныхъ развлеченій, въ особенности въ глухую зимнюю пору, когда по климатическимъ условіямъ невозможно было пользоваться благами суровой сѣверной природы. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ то не терпѣніе, съ которымъ молодежь, а отчасти и люди зрѣлаго возраста, ожидали наступленія рождественскихъ святокъ, когда можно было развернуться во всю ширь русской натуры и веселиться напропалую цѣлыя ночи напролетъ, благо эти удовольствія почти ничего не стоили. Веселились до упаду, до изнеможенія силъ, проводя 7—8 безсонныхъ ночей подъ рядъ.

Изъ всѣхъ рождественскихъ удовольствій самымъ излюбленнымъ для вологжанъ считалось маскированіе, которое выражалось въ томъ, что молодежь обоего пола, разодѣтая въ различные костюмы и маски, разъѣзжала по знакомымъ, интриговала ихъ, а, главное, плясала до одури, лишь бы имѣлось хотя самое жалкое подобіе музыки. Этими домашними маскарадами увлекались на святкахъ рѣшительно всѣ, отъ мала до велика, и я бы могъ привести десятки солидныхъ, пожилыхъ людей, которые если сами и стѣснялись маскироваться, то принимали всегда самое живое участіе въ этомъ удовольствіи жизнерадостной молодежи, устраивая вечеринки, добывая костюмы и пр. Я могу съ увѣренностью сказать, что изъ всѣхъ слоевъ общества маскированіемъ увлекались болѣе всего мелкіе чиновники и учащаяся молодежь обоего пола и замѣчательно, что самые закоренѣлые бѣдняки, нерѣдко многосемейные, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми изобрѣтательными людьми по части этихъ удовольствій, какъ бы оправдывая пословицу „голь на выдумки хитра“.

Я не могу точно опредѣлить, когда именно зародился обычай у вологжанъ проводить рождественскія святки вышеописаннымъ способомъ, но знаю, что обычай этотъ строго соблюдался изъ года въ годъ и лишь за послѣдніе 10-12 лѣтъ онъ сталъ постепенно падать и замѣняться другими, болѣе современными удовольствіями, а если и удержался у меньшинства, то уже значительно утратилъ свой патріархальный характеръ.

Времяпрепровожденія на святкахъ всегда происходило слѣдующимъ образомъ. Первые два дня Рождества вечеровъ обыкновенно никто не устраивалъ, ибо эти дни обыватели проводили среди близкихъ родныхъ, мужчины визитировали, странствуя весь день по знакомымъ, конечно, пѣшкомъ. Только простонародье безъ всякаго стѣсненія шаталось среди бѣла дня ряжеными, потѣшая своимъ видомъ гуляющую по улицамъ публику и прохожихъ. Но съ третьяго дня праздника, часовъ съ 8 вечера, въ разныхъ частяхъ города можно уже было наблюдать ярко освѣщенные дома, изъ которыхъ неслись звуки музыки и веселый людской говоръ, смѣхъ и топанье: ясно, что хозяева ихъ устраивали вечеринку для своихъ знакомыхъ съ обязательнымъ пріемомъ масокъ. Такія вечеринки устраивались чиновниками, гдѣ позволяла квартира, купцами средней руки и разными служащими, а иногда и молодежью въ складчину, на экономическихъ началахъ. Устройство вечеровъ было до крайности просто и очень дешево: требовалось лишь удобное, просторное помѣщеніе, хотя бы и въ одну комнату (залъ для танцевъ), по возможности яркое освѣщеніе—лампами и свѣчами и какая-нибудь музыка: фортепіано, рояль, гусли, гармоника или же гитара со скрипкой. Стоило лишь хозяину вечера сообщить заблаговременно, днемъ, въ двѣ—три парикмахерскія о своемъ желаніи устроить вечеринку съ масками, а вечеромъ освѣтить свою хижину, какъ разряженная молодежь обязательно пріѣдетъ и будетъ плясать до упаду подъ незатѣйливый аккомпаниментъ какой-нибудь разбитой гитары или охрипшей гармоники. Самымъ главнымъ при устройствѣ вечеровъ являлся вопросъ о музыкѣ, безъ которой никакъ нельзя обойтись. Въ болѣе

состоятельныхъ домахъ гремѣлъ рояль или фортепіано; затѣмъ употреблялись гусли (у купцовъ Суконщиковыхъ), аристонъ, шарманка, гармонія, гитара, скрипка и даже балалайка. Въ описываемое время въ Вологдѣ было нѣсколько бродячихъ музыкантовъ—скрипачей, таперовъ и гармонистовъ, которые за цѣлковый охотно пилили всю ночь разныя польки и кадрили, доставляя громадное удовольствіе танцующимъ. Въ крайнемъ случаѣ, за неимѣніемъ музыки, танцовали даже и подъ пѣсни. Я еще засталъ то время, когда сами маски заботились о музыкѣ и возили съ собой гармонику, на которой и игралъ кто-либо изъ компаньоновъ.

Вечеринки въ складчину большею частью устраивались воспитанниками мѣстной семинаріи, которые за дальностью разстоянія до дому принуждены бывали проводить короткія рождественскія каникулы въ Вологдѣ. Въ этомъ случаѣ одинъ изъ участниковъ выбирался распорядителемъ пира, ва обязанности коего лежало иодысканіе подходящаго помѣщенія, музыканта, закупка угощенія и пр. По моимъ наблюденіямъ, семинаристы были страстными иоклонниками танцевъ и отплясывали всегда очень усердно по цѣлымъ ночамъ. Такъ какъ семинарскія вечеринки никогда не обходились безъ возліяній, то къ концу бала обыкновенно весь мужской персоналъ порядочно *намокалъ* и не безъ труда расходился по домамъ. Я неоднократно въ качествѣ гостя и участника бывалъ на этихъ вечеринкахъ и съ любопытствомъ наблюдалъ за тѣми замысловатыми па, которыя выдѣлывали ногами наши будущіе батюшки.

Обычно вечера начинались съ 8—9 часовъ и тянулись до 4—5 час. утра, т. е. всю ночь. Въ рѣдкомъ домѣ хозяева устраивали какое-нибудь угощеніе для масокъ; большинство обходилось безъ онаго. Конечно, если маски бывали узнаны и оказывались хорошими знакомыми хозяевъ, то всегда угощались на славу и даже оставлялись на весь вечеръ. Довольно щекотливымъ вопросомъ для хозяевъ являлся пріемъ масокъ; принимать-ли всѣхъ пріѣзжающихъ масокъ или только по выбору, знакомыхъ? Съ этою цѣлью въ болѣе щепетильныхъ домахъ назначался пароль, не зная который нельзя было попасть на вечеръ. Пароль этотъ заблаговременно сообщался тѣмъ знакомымъ, которые желали маскироваться. Конечно, въ большинствѣ домовъ обходились безъ всякаго пароля, но различныя недоразумѣнія случались постоянно: вмѣстѣ съ порядочными масками попадали на вечера и разные хулиганы, часто выпившіе, которые заводили скандалы и держали себя настолько развязно, что ихъ приходилось силой выпроваживать на улицу. Эти же господа, пользуясь общей суматохой въ переднихъ, нерѣдко похищали что—либо изъ верхняго платья и безслѣдно исчезали съ нимъ. Впрочемъ, подобные случаи бывали сравнительно рѣдко.

Признакомъ „порядочныхъ“ масокъ служили перчатки, безъ коихъ масокъ и не пропускали въ домъ, а также самые костюмы и манеры. Послѣднія тоже нерѣдке служили источниками разныхъ курьезовъ, ибо интеллигентная молодежь, въ особенности изъ т. н. аристократіи, желая во что бы то ни стало не быть узнанной, нарочно рядилась въ самые дешевые, простые костюмы (лапотника—мужичка и пр.) и старалась сообразно имъ держать себя и напропалую дурачиться, сбивая съ толку хозяевъ и многочисленныхъ гостей.

Еще за долго до праздниковъ молодежь обоего пола сговаривалась относительно предстоящихъ увеселеній и группировалась въ кружки по 4—6 и болѣе человѣкъ въ каждомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы дамъ и кавалеровъ было по ровну, причемъ допускался избытокъ послѣднихъ. Кромѣ того, въ составъ кружковъ входила и прислуга (далеко не у всѣхъ), которая стерегла верхнее платье въ переднихъ. Каждый кружокъ запасался однимъ или двумя извозчиками т. н. ваньками, съ широкими, помѣстительными санями, (въ кои набивалось публики

по 6—7 чел.,—возъ цѣлый) и нанималъ ихъ на всю ночь по баснословно дешевой цѣнѣ—20 коп. за часъ. Менѣе требовательные пользовались иногда и розвальнями. Хожденіе пѣшкомъ совершалось значительно рѣже и лишь въ томъ случаѣ, если было близко или не хватало рессурсовъ на извозчиковъ.

Вопросъ о пріобрѣтеніи костюмовъ являлся самымъ насущнымъ для маскирующихся, именно для дамъ. Послѣднія большею частію фабриковали себѣ костюмы дома, изъ подручнаго матеріала, тогда какъ мужчины запасались таковыми въ цырульняхъ и театрѣ, съ платою отъ 1 руб. до 3 за вечеръ, смотря по костюму. Въ описываемое время изъ мужскихъ костюмовъ наичаще встрѣчались: простого крестьянина—лапти, онучи, синяя посконная рубаха и шляпа „гречишникъ“ при кудельномъ парикѣ, стариковскій—при обычномъ платьѣ, бѣлый кокосовый парикъ, борода и носъ, гамлета, мефистофеля, Зибеля (студента изъ „Фауста“), еврея, турка, старинный польскій, клоуна, домино, капуцына, гусарскій и пр. Костюмы старика и домино у мужчинъ преобладали, какъ самые дешевые и не требовавшіе перемѣны платья и гримировки. Костюмъ мужичка—лапотника обыкновенно надѣвали самые лучшіе танцоры, удивлявшіе публику своимъ поразительнымъ искусствомъ выдѣлывать всевозможные фокусы въ лаптяхъ. Изъ мужскихъ костюмовъ всего изящнѣе были: старинный польскій, русскій боярскій и вообще національные. Между дамскими костюмами преобладали: домино, цыганскій, польскій, чертенка, день и ночь, зима, феи, Офеліи и т. п. Вообще по части костюмовъ вологжане пускали въ ходъ всю силу фантазіи и нерѣдко сочиняли, что только взбредетъ въ голову, лишь бы было пестро и забавно.

Хотя костюмы, въ особенности дамскіе, и дѣлались загодя, но держались въ секретѣ даже отъ близкихъ знакомыхъ, дабы впослѣдствіи имѣть меньше шансовъ быть узнанными.

Личныя маски въ то время были трехъ сортовъ: черныя и бѣлыя съ кружевами, атласныя и бархатныя, бумажныя, разрисованныя самымъ уморительнымъ образомъ, и легкія изъ проволочной сѣтки, которыя были не такъ тягостны для лица, какъ первыя, которыя къ концу вечера отъ жары и пота прилипали къ физіономіи, а на улицѣ замерзали (въ холода). Конечно, въ большомъ ходу были всевозможные гиганскіе носы и бумажныя головы звѣрей: собачья, свиная, волчья и пр.

Съ одной изъ такихъ звѣриныхъ головъ однажды вышелъ довольно забавный казусъ. Шелъ оживленный маскарадъ въ чиновничьемъ клубѣ. Нѣкто Б., большой комикъ и весельчакъ, надѣвъ на себя грамадную ослиную голову, также явился въ клубъ, гдѣ и дурачился, увиваясь около дамъ. Въ разгаръ бала, шатаясь изъ одной залы въ другую, онъ случайно зашелъ въ клубную читальню, гдѣ засѣдали за газетами почтенные клубные старцы. Подойдя къ читальному столу, Б. развязно усѣлся среди старцевъ и, отдавъ общій поклонъ своей ослиной головой, проговорилъ: „ну, теперь и я попалъ въ свою компанію“! Почтенные старцы страшно обидѣлись и за такую дерзость торжественно выпроводили Б. изъ клуба. Само собою разумѣется, что острота Б. быстро облетѣла весь клубъ и вызвала самый веселый смѣхъ публики...

Доставая въ парикмахерскихъ костюмы, молодежь тутъ-же получала нужныя свѣдѣнія относительно вечеровъ, т. е. гдѣ именно таковые предполагались въ этотъ день, будутъ-ли принимать масокъ и кто бралъ какіе костюмы. Впрочемъ, въ тѣ времена обыватели Вологды вели такой же образъ жизни, какъ обломовцы, и, плотно поужинавъ, часовъ съ 9 вечера уже гасили огни, такъ что по одному освѣщенію домовъ въ неурочное время можно было судить, что

идеть вечеринка. Этимъ признакомъ постоянно пользовались маски и ѣздили, какъ говорится, на огонекъ.

Въ маскированіи, кромѣ странствованій изъ одного конца города въ другой (что въ хорошую зимнюю ночь имѣетъ свою особенную прелесть), танцевъ и веселой, непринужденной болтовни, далеко не послѣднюю роль играло и умѣнье интриговать среди встрѣчныхъ знакомыхъ; при этомъ, чтобы не быть узнанными, приходилось мѣнять манеры, голосъ, походку, вообще употреблять всѣ средства, чтобы ввести въ заблужденіе интригуемое лицо, не обнаруживая себя. Въ этомъ собственно и заключался смыслъ маскированія. Конечно, большинство маскировалось единственно съ цѣлью побѣситься и поплясать до упаду въ веселой и разношерстной компаніи.

Такимъ образомъ на вечеринкахъ, помимо всей сутолоки, обѣ стороны—и хозяева съ гостями, и маски,—были сильно заинтересованы: однимъ очень хотѣлось узнать пріѣхавшихъ, другіе—старались во чтобы то ни стало сохранить инкогнито. Для отгадыванія, кто именно скрывается подъ маской, примѣнялись самые разнообразные способы: принимался во вниманіе ростъ, манера здороваться и танцовать, походка, руки, цвѣтъ глазъ и волосъ и пр. Если эти примѣты не помогали, то нерѣдко хозяева отправлялись въ переднюю и здѣсь старались опредѣлить по прислугѣ, верхнему платью; даже иногда извозчики подвергались тщательному допросу. Вообще маски всегда пользовались усиленнымъ вниманіемъ хозяевъ и гостей. Между тѣмъ разпознаваніе затруднялось еще и тѣмъ, что въ разгаръ вечера танцевальный залъ бывалъ биткомъ набитъ масками, шли танцы и вообще такая сутолока, какъ въ калейдоскопѣ. Между маскирующимися были и такіе любители, что за ночь 2—3 раза мѣняли свои костюмы. Открывшись съ третьяго дня праздника, вечеринки ныли безъ смѣны до 4 январ.

Говоря о рождественскихъ увеселеніяхъ въ Вологдѣ, не лишнее будетъ упомянуть и о тѣхъ танцахъ, которые были въ модѣ въ описываемую пору. Репертуаръ танцевъ тогда былъ довольно скуденъ и заключалъ въ себѣ: старинное лянсье съ поклонами, кадриль, польку—мазурку съ пристукиваніемъ, простую польку, вальсъ—вертячку въ два па и русскую, безъ фигуръ. Изъ всѣхъ танцевъ наибольшей симпатіей пользовалась полька, которой положительно увлекались и которую отплясывали нерѣдко въ продолженіе получаса непрерывно, до полнаго изнеможенія танцующихъ и несчастнаго музыканта. Далеко не всѣ кавалеры могли, какъ тогда говорилось, полькировать, по этому умѣющіе особенно цѣнились прекраснымъ поломъ и всегда были на-расхватъ, въ противоположность своимъ тяжеловѣснымъ товарищамъ, которые медлительно выступали въ кадрили, гдѣ уже не требовалось особенной ловкости...

Такъ веселилась на святкахъ Вологда въ доброе старое время.

Л. Александровъ.